

ВНЕЗАПНО В ДВЕРЬ СТУЧАТ

“**Т**они рассказ”, — приказывает бородатый мужчина, сидящий на диване у меня в гостиной. Положение, надо признаться, не из приятных. Я же пишу рассказы, а не “гоню” их вслух. Да и пишу я не по требованию. Последним, кто потребовал у меня рассказ, был мой сын. Год назад. Я рассказал ему что-то про фею и фенека, даже не помню что, и через две минуты он заснул. Но сейчас ситуация совсем другая. У моего сына нет бороды. И пистолета. И он попросил историю вежливо, а этот человек добивается ее от меня шантажом.

Я пытаюсь объяснить бородачу, что вернуть пистолет в кобуру — в его же интересах. Трудно выдумывать историю, когда дуло заряженного пистолета нацелено

тебе в голову. Но бородач упорствует. Он объясняет, что в нашей стране, если ты чего-то хочешь, надо действовать силой. Он новый репатриант из Швеции. В Швеции все совершенно иначе. Там, когда чего-нибудь хотят, вежливо просят — и обычно получают. Но в страшном, душном Леванте дела обстоят иначе. Тут недели хватает, чтобы понять, как оно все работает. Вернее, как оно все не работает. Палестинцы вежливо попросили страну. Получили? Хер получили. Начали взрывать автобусы с детьми — и вдруг к ним стали прислушиваться. Поселенцы хотели, чтобы с ними вступили в диалог. Вступили? Хуй вступили. Они начали драться, слегка полили погранцов кипящим маслом — и вдруг им решили пойти навстречу. Эта страна понимает только силу — неважно, идет речь о политике, экономике или парковке. Только силу мы тут понимаем.

Швеция, откуда репатриировался бородач, — развитая страна, преуспевающая во многих областях. Швеция — это не только “АББА”, икра трески и Нобелевская премия. Швеция — это целый мир, и все их достижения — результат обходительности. В Швеции, если бы он пришел домой к солистке “Эйс оф Бэйс”, постучал в дверь и попросил спеть, она бы заварила ему чашку чаю, вытащила из-под кровати акустическую гитару и заиграла, и еще улыбалась бы. Но здесь? Да если бы у него в руке не было пистолета, я бы его с лестницы спустил.

— Смотрите... — пытаюсь полемизировать я.

— Никаких “смотрите”, — рычит бородач и взводит курок. — Рассказ — или пуля в лоб.

Я понимаю, что выбора нет. Мужик совершенно серьезен.

— Два человека сидят в комнате, — начинаю я. — Внезапно в дверь стучат.

Бородач выпрямляется. На секунду мне кажется, что история захватила его, — но нет. Он к чему-то прислушивается. Кто-то действительно стучит в дверь.

— Открывай, — говорит он мне. — Без фокусов. Прогони его как можно быстрее, или это плохо кончится.

Молодой человек за дверью проводит исследование. У него есть несколько вопросов. Коротких. На счет высокой влажности летом и ее влияния на мои нервы. Я говорю, что не желаю участвовать в исследовании, но он все равно протискивается в квартиру.

— Это кто? — спрашивает он и показывает на бородача.

— Это мой племянник из Швеции, — вру я. — Он приехал сюда хоронить отца, погибшего под снежной лавиной. Мы как раз читаем завещание. Может, вы проявите уважение к нашей личной жизни и уйдете?

— Ой, ладно, — опросчик шлепает меня по плечу. — Да всего несколько вопросов. Дай братану шанс подзаработать. Мне по головам платят.

Он растягивается на диване со своей папкой. Швед садится рядом. Я все еще стою и стараюсь говорить твердо.

— Я прям правда прошу уйти, — говорю я ему. — Вы пришли в неудачное время.

— Неудачное, а? — Опросчик вытаскивает из папки огромный наган. — Почему неудачное — потому

что братан мизрахи?*

 Для шведов у тебя, я так вижу, море времени. А для марокканца**, который только демобилизовался и оставил в Ливане кусок селезенки, у этого чувака ни минуточки не найдется.

Я пытаюсь объяснить ему, что дело в другом. Он просто застал меня в деликатной ситуации с этим шведом. Но опросчик подносит дуло нагана к губам, знаком велит мне замолчать.

— Живо, — говорит он, — без отмазок. Сел в кресло и поехал.

— Куда поехал? — спрашиваю я.

Честно говоря, я уже реально нервничаю. У шведа тоже пистолет, тут может возникнуть напряжение, эдакое “запад-восток”, разница в ментальностях. Или просто швед может взорваться, потому что хотел историю лично для себя, соло.

— Не беси меня, — грозитя опросчик, — у меня нервы слабые, поехал сочинять какой-нибудь рассказ, ать-два!

— Ага. — Швед сливается с ним в неожиданной гармонии и тоже наводит на меня пушку.

Я откашливаюсь и начинаю заново:

— Три человека сидят в комнате...

— И безо всяких “внезапно в дверь стучат”! — предостерегает швед.

* То есть этнически принадлежит к “восточным” евреям (*ивр.*). —
Здесь и далее примеч. перев.

** Имеется в виду принадлежащий к семье евреев — выходцев из Марокко.

Опросчик не вполне понимает, что имеется в виду, но решает подыграть.

— Давай-давай, — говорит он. — Без стука в дверь. Расскажи еще чего. Понеожиданней.

Я на секунду замолкаю, набираю в легкие воздуха. Их взгляды уставлены на меня. Как же я вечно вляпываюсь в эти ситуации? С Амосом Озом или с Гроссманом такое в жизни бы не случилось. Внезапно в дверь стучат. Их сосредоточенные взгляды становятся угрожающими. Я пожимаю плечами. Я же тут совершенно ни при чем. В рассказе этого стука вообще не было.

— Избавься от него, — приказывает мне опросчик. — Избавься от него, кто бы это ни был.

Я приоткрываю дверь буквально на сантиметр. Там стоит курьер с пиццей.

— Ты Керет? — спрашивает он.

— Да, — говорю я, — но я не заказывал пиццу.

— Тут написано — улица Заменхоф, четырнадцать. — Он машет у меня перед лицом бумажкой и протискивается в квартиру.

— Написано, — говорю я. — Но я не заказывал пиццу.

— Семейная, — настаивает он. — Половина ананас, половина анчоус. Уже оплачено. Кредиткой. Только дай мне чаевые, и я полетел.

— Ты тоже за рассказом пришел? — строго спрашивает швед.

— За каким рассказом? — спрашивает курьер.

Видно, что он врет, и получается у него плохо.

— Доставай, — бросает ему опросчик. — Ну, доставай уже пистолет.

— У меня нет пистолета, — признается курьер и вытягивает из-под картонной коробки длинный мясницкий нож. — Но я его ломтик за ломтиком накромсаю, как ветчину, если он мне щас не пропоет какую байку.

Все трое сидят на диване. Швед крайний справа, рядом курьер, слева опросчик.

— Я так не могу, — говорю я им. — Рассказ просто не придет мне в голову, когда вы все трое тут с оружием. Сходите прогуляйтесь, а как вернетесь — я уж что-нибудь подготовлю.

— Говнюк позвонит в полицию, — говорит опросчик шведу. — Он что думает, нас пальцем сделали?

— Ну давай уже, всего одну — и мы пошли, — ноет курьер. — Короткую. Не жмись. Тяжелое время. Безработица, теракты, иранцы. Люди жаждут чего-нибудь Иного. Что, по-твоему, довело нас, вполне нормативных людей, до этой точки, до твоего порога? Отчаяние, чувак, отчаяние.

Я киваю и начинаю заново:

— Четверо сидят в комнате. Жарко. Скучно. Кондиционер не работает. Один из них просит рассказ. Второй и третий присоединяются...

— Это не рассказ, — сердится опросчик. — Это отчет. Это ровно то, что сейчас произошло. Ровно то, от чего мы бежим. Не надо вот так вываливать на нас реальность, как будто ты мусоровоз. Задействуй воображение, брат, выдумывай, плыви по течению, уносишь в заоблачные дали.

Я начинаю заново:

— Один человек сидит в комнате. Ему одиноко. Он писатель. Он хочет написать рассказ. Свой предыдущий рассказ он написал очень давно, он соскучился по рассказам. Соскучился по чувству, которое возникает, когда создаешь что-нибудь из чего-нибудь. Именно: что-нибудь из чего-нибудь. “Что-нибудь из ничего” — это когда ты просто все сочинил. Не стоит того и большого ума не требует. А вот “что-нибудь из чего-нибудь” — это когда ты обнаруживаешь то, что всегда существовало внутри тебя, обнаруживаешь его в ходе никогда еще не происходивших событий. Человек решает написать рассказ именно про это. Не про государственную ситуацию и не про общественную. Он решает написать рассказ про человеческую ситуацию. Про человеческую ситуацию — какой он видит ее в этот момент. Но рассказ не приходит ему в голову. Потому что человеческая ситуация, какой он видит ее в этот момент, видимо, не заслуживает рассказа. Он уже собирается сдать, и тут внезапно...

— Я тебя предупредил, — перебивает меня швед. — Никакого стука в дверь.

— Я обязан, — настаиваю я. — Без стука в дверь не будет никакого рассказа.

— Позволь ему, — мягко говорит курьер. — Попусти немножко. Хочет стук в дверь? Пусть будет стук в дверь. Лишь бы рассказ уже пришел.